

ПОЭТИКА ОБМАНА В «ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РАНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО)

©2011 Г.О.Портнов

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 08.12.2010

В данной статье рассмотрено формирование поэтики обмана как художественной модели «Петербургского текста» русской литературы на примере ранних произведений Ф.М.Достоевского «Бедные люди», «Двойник» и «Господин Прохарчин».

Ключевые слова: Петербургский текст русской литературы, обман, мотив, метафора, нарративная структура, кукольный театр, маскарад.

Формирование эстетических взглядов молодого Достоевского неразрывно связано с литературной и общественной средой Петербурга, в условиях которого создаются первые литературные опыты молодого писателя. К моменту начала работы над «Бедными людьми» автор уже семь лет живет в северной столице, активно знакомясь с новыми литературными именами, читает произведения актуальных петербургских авторов. Но одновременно с развитием таланта молодого Достоевского происходит и другой процесс. На период 30 — 40-х годов XIX века приходится период формирования подготовленного предыдущим историческим и культурным развитием Петербурга явления, которое впоследствии В.Н.Топоров определит как «Петербургский текст» русской литературы. Достоевский не только осваивает относящиеся к этому типу текста произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но и сам разрабатывает один из вариантов «Петербургского текста». С первых произведений город становится «устойчивой доминантой произведений творчества Достоевского»¹. Но пространство города одновременно античеловечно, поскольку ставит своих обитателей на грань жизни и смерти, и антропоцентрично, потому что такой пограничностью побуждает героев решать «последние вопросы». Потому пространство города превращается в «рельеф духовного мира»² героев писателя. Петербург в изображении Достоевского является не столько объектом пассивной рецепции, сколько перемоделируемым психикой персонажа активным субъектом. Это объясняет использованный писателем примени-

тельно к северной столице эпитет «умышленный». «Умышленный» обозначает не только неразрывную связь города с его образом в сознании человека, но и неадекватность этого образа реальности. Построенный вопреки законам природы и человеческого разума город искусствен, а жизнь человека в нем неестественна, призрачна, фальшива. Неестественность наиболее полно выражена в «Петербургском тексте» в мотиве обмана. Начиная с творчества Пушкина, можно говорить о прорабатываемой разными писателями применительно к этому типу текста поэтике обмана. У Достоевского обман, начиная с ранних произведений, воплощается на уровне нарративной структуры, сюжета (как мотив и метафора), а также в проводимых писателем параллелях между сюжетными линиями, характерами героев и кукольным театром, маскарадом.

Обман, по мнению Д.С.Деннета, является закономерным исходом возникающей при коммуникации конкуренции: «Когда у биологических видов зарождается коммуникация, абсолютная честность — это не самая лучшая тактика, так как ею в полной мере могут воспользоваться конкуренты. Конкуренция очевидна во всех случаях коммуникации между хищником и жертвой... здесь хорошо видно, как появляется возможность для обмана»³. Модель отношений «хищник — жертва» свойственна для изображенных Достоевским представителей петербургского социума, в частности — бедных людей. Даже беззаветно любящие друг друга герои под влиянием навязываемых им обществом условностей начинают лгать друг другу, что показывает не только коммуникативный, но и личностный кризис. В «Бедных людях» Достоевский воспроизводит все виды обмана пока лишь на уровне сюжета, в отношениях между героями. Он представлен здесь в первую очередь как самообман

⁰ Портнов Георгий Олегович, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы.

E-mail: georgii_portnov@mail.ru

¹ Заидулина М.В. Город // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: 1997. — С. 147.

² Исупов К.Г. Пространство // Там же. — С. 111.

³ Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. — М.: 2004. — С. 132.

каждого из персонажей и выполняющий космогоническую функцию обман (в значении «ложь во спасение») по отношению персонажей друг к другу. В «Двойнике» и «Господине Прохарчине» автор актуализирует в сюжетной линии разнообразные способы обмана (хитрость, сплетни), использует мотив двойничества как закономерный результат обмана, а также использует его в нарративной структуре произведений.

В «Бедных людях» изначальная безысходность и обреченность жизни Макара Девушкина и Варвары Доброселовой стимулирует обоих героев к уходу от реальности. У Девушкина этот эскапизм носит творческий характер, у Доброселовой — мнемонический. Герой сосредоточивается на разработке собственного «слога» и помогающей ему в этом деле литературе, героиня — на ценных для нее детских и подростковых воспоминаниях. В обоих случаях в качестве средства для этого используется форма письма. Она задает дополнительные смыслы в отношениях между героями. Если для Макара-чиновника Варенька — единственный близкий ему и понимающий его человек, для Макара-скриптора она — муза и главный сквозной образ его писем и единственный их адресат. Девушкин для Доброселовой-скриптора — герой «воспоминаний», для Доброселовой-сироты — единственный защитник в чужом для нее мире.

За счет писем в романе параллельно с реальным пространством формируется пространство воображения, претендующее на замещение своего эмпирического прототипа. С самого начала герои стремятся использовать реалии окружающего мира и происходящие с ними события в качестве материала для своих писем. Причем все происходящее и видимое соотносится с мечтами и воспоминаниями обоих героев. Таким образом, реальность выполняет вспомогательную функцию для создания в их письмах воображаемого мира. Так, уже с первого письма Девушкина становится ясно, что изображение реальности в нем не идентично самой реальности. Макар уподобляет себя и Вареньку сказочным персонажам: себя — «ясному соколу», Доброселову — «птичке небесной», «на утеху людям и для украшения природы созданной». Характеристика весеннего утра в письме Макара («солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживает») контрастирует с последующей «физиологичностью» описания его быта и быта соседей. К тому же описание погоды в письме Девушкина кажется избыточным и непонятным, ведь они с Варенькой живут в соседних домах, и его собеседница не нуждается в этой информации. На

самом деле Макар предлагает Доброселовой разделить с ним его уход от реальности, чего та не делает: «И право, я сейчас же по письму угадала, что у вас что-нибудь да не так — и рай, и весна, и благоухания летают, и птички чирикают. Что это, я думаю, уж нет ли тут и стихов?»⁵. Самообман героя — попытка проигнорировать свой низкий социальный статус, неблагополучное материальное положение. Хотя в определенный момент становится ясно, что Доброселова уедет с господином Быковым, Девушкин до последнего отказывается в это верить.

В отличие от мечтателя Макара, Варенька — более приземленный образ. Она думает о том, чтобы ее защитник не разорвался на подарки ей, носил достойный его социальному положению костюм и не предавался «самому дурному пороку». Но при этом, трезво оценивая свое теперешнее положение, Доброселова часто прибегает к насыщенным воспоминаниям о детстве и юности, в которых ищет забвение. Самообман героев, однако, имеет свои пределы. Прочитанная Девушкиным «Шинель» Гоголя заставляет героя наконец-то увидеть себя, словно в зеркале, и возвращает ему первородное чувство стыда⁶. Литература возвращает Макара к самому себе, хоть при этом он и разочарован. Бросив книги, Девушкин пытается теперь уже в реальной жизни, а не в письме со «слогом», помочь Варваре: ищет, у кого взять деньги в долг, старается найти подработку, но терпит неудачи. Он опять уходит от реальности — теперь с помощью пьянства. И на этот раз Варвара приводит его в чувство.

Точно так же и Доброселова в определенный момент перестает предаваться воспоминаниям. Она понимает, что это не выход: настоящее хуже прошлого, и даже если реальность несовместима с идеалом, нужно постараться хотя бы немного приблизить ее к нему. Героиня занимается шитьем, несмотря на свой нелюдимый характер, ищет дополнительную работу, разыскивает новое жилье. Даже когда ее чуть было, не увлекают в публичный дом, а потом унижает богатый старик, Варенька быстро преодолевает отчаяние. Справляется она и с неизбежностью замужества с домогающимся ее господином Быковым, и с разлукой с Девушкиным. В отличие от Макара, характер которого просто несовместим с реальностью, и все больше от нее отдаляется, Варенька социализируется и привыкает к законам общества. Но здесь мотив обмана получает неожиданное разрешение. Девушкин, обманывавший сам себя и Вареньку своими фантазиями и сочинениями, несмотря на все беды, сохранил цель

⁵ Там же. — С. 84.

⁶ Бочаров С.Г. Холод, стыд и свобода // Сюжеты русской литературы. — М.: 1999. — С. 121 — 151.

⁴ Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10 т. — Т.1. — М.: 1956. — С. 80.

ность личности и свой богатый внутренний мир. Более того, благодаря Доброселовой и пережитой трагедии утраты, он открыл себя себе же самому, понял, что он не «ветошка». Варенька же, адаптируясь к общественным условиям, утратила себя. Потеряв родителей, порвала с воспоминаниями. Пытаясь спасти свою жизнь, и уехав с Быковым, потеряла единственного близкого человека. Рассудительность Доброселовой оказывается губительнее неблагоприятия Девушкина. Мнимость, материальное благополучие («серьги с жемчугом», «фальбала») Вареньки замещают душевное общение между ней и Девушкиным. В «Бедных людях» действительность у Достоевского обманчивее вымысла и воспоминаний, которые возвращают героя к самому себе, но лишают при этом опоры в реальном мире.

В этом же направлении строится и поэтика «Двойника», и «Господина Прохарчина». Здесь он воплощен в нарративной структуре текста, своеобразной позиции повествователя, которого можно назвать неопределенно-личным, но «речь этого неопределенно-личного повествователя окрашена в субъективно-личные тона»⁷. Достоевский строит повествование «Двойника» и «Господина Прохарчина» на постоянных недоговоренностях и умолчаниях. День чиновника Голядкина с самого начала описывается как обычный, но лишь позже читатель понимает его исключительность: прогул на работе, сватовство к дочери статского советника, угрозы Голядкина его начальнику Андрею Филипповичу. Кризис сознания Якова Петровича описывается как встреча с объективно существующим близнецом. Читатель вместе с господином Голядкиным не понимает, что не Голядкин-младший мешает жить главному герою, а фантом его расстроенного ума. Об этом сообщается полунанеками в репликах Петрушки, письме Вахрамеева.

Точно также и в «Господине Прохарчине»: описывая повседневные занятия и нрав казалось бы примитивного Прохарчина, автор скрывает от читателя маниакальную тягу героя к накопительству и бунтарские настроения, которые открываются постфактум. Ничего не сообщается и о том, что делал, покинув свой угол, Прохарчин с господином Зимовейкиным. Подобно «раздвоению» Голядкина, «пожар» головы Прохарчина описывается как объективный процесс, а не явление психологического порядка. На смысловую неочевидность и сюжетную обманчивость текста сориентирована сама природа «Господина Прохарчина», подвергшегося перед публикацией цензурным купюрам. По этому поводу писа-

тель жаловался в письме М.М.Достоевскому: «Прохарчин» страшно обезображен в известном месте. Эти господа известного места запретили даже слово *чиновник* и Бог знает из-за чего; уж и так все было слишком невинное, и вычеркнули его во всех местах. Все живое исчезло. Остался только скелет того, что я читал тебе. Отступаюсь от своей повести»⁸.

Но сюжетные недоговоренности и умолчания в «Двойнике» и «Господине Прохарчине» входят в авторскую установку. Таким образом, Достоевский стремится создать изоморфизм между душевными процессами персонажа и отражающим их текстом, максимально приблизить читателя к болезненному сознанию петербургского жителя, путающего явь со сном. Обманчивость текста как художественной реальности есть отражение преломленной в душевном мире персонажа обманчивой реальности Петербурга. И чтобы найти опору в столь зыбком художественном мире, читателю необходимо взглянуть сквозь призму сознания героя на все поджидающими его в Петербурге злоключения.

В «Двойнике» и «Господине Прохарчине» мотив обмана в многообразных значениях (лицемерие, хитрость, плутовство) развернут и в сюжете. В первом попытке главного героя противостоят господствующим в Петербурге лжи и лицемерию и одновременно следование им приводят к раздвоению Голядкина. Поединок Голядкина-младшего и Голядкина-старшего, в широком смысле — психологическая борьба человека с самим собой за искоренение в себе же лжи, становится движущей основой сюжета.

Таковую же роль обман выполняет и в «Господине Прохарчине». Но здесь он становится составляющей скорее не сюжета, а характера героя, раскрытие которого и лежит в основе повествования. В «Господине Прохарчине» актуализируется обман героя по отношению не столько к себе, сколько к окружающим. Словами о бедности и самоограничениями (отказ от чая, бесед, совместного с соседями участия в празднествах) Семен Иванович пытается показать жильцам свою материальную несостоятельность. На эту же несостоятельность обманчиво ориентирует и его фамилия («Прохарчин» — от глагола «прохарчиться»). И лишь в финале выясняется, что он не нищий, потому что за всю жизнь скопил огромную сумму. Позже, когда герой лежит в горячке, в нем вдруг просыпаются вольнодумные мысли, казалось бы, чуждые его косному уму. Герой столь же не глуп, сколь и не беден.

Значительную часть жизни, если верить рассказчику, Прохарчин «пролежал за ширмами», не проявляя активной деятельности, фактически

⁷ Ломагина М.Ф. К вопросу о позиции автора в «Двойнике» Достоевского // Филологические науки. — 1971. — № 5. — С. 4.

⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. — Т. XXVIII. Кн. 1. — Л.: 1985. — С. 126.

не живя и походя скорее на мертвеца, чем на живого человека. Но вот герой умирает, и Устинья Федоровна принимает его за живого. Прохарчин, который ни беден, ни богат, ни умен, ни глуп, оказывается еще и ни живым, ни мертвым. Достоевский показывает, что в результате такой жизни, как у Голядкина и Прохарчина, в человеке пропадает разница между живым и мертвым, а личность становится неотделимой от ее Двойника. Сущность подменяется мнимостью, куклой.

Отсюда актуальные для раннего Достоевского параллели между конкретным сюжетом, характерами и народным театром. Актуализация его механизмов в сюжете и образах героев позволяет вскрыть искусственность навязанной им общественной жизни и поведения. Так, история господина Голядкина и его Двойника сюжетно и композиционно соотносится с рядом народных представлений с участием куклы Петрушки (сюжет о встрече с лекарем, неудавшемся сватовстве, торге с цыганом, сравнение происходящего с «комедией пасквильной»), да и сами они наделены качествами марионетки («кукольная» моторика, доходящая до идиотизма веселость, дерзость по отношению к окружающим).

Такие же параллели с кукольным театром обнаруживаются и в «Господине Прохарчине». Еще исследователь Н.В. Чернова в статье «Господин попрошайка-пьянчужка: лицо и маски Зимовейкина»⁹ указывала на то, что писатель наделяет Прохарчина чертами Пульчинеля, а Зимовейкина — Петрушки. На первый взгляд «неразговорчивый» и «на праздную речь неподатливый» Прохарчин имеет мало общего с кукольным прототипом. Но стоит Зиновию Прокофьевичу или Зимовейкину оскорбить героя, как Прохарчин вступает с ними в остроумную перебранку, роднящую его с балагуром. Позже он, подобно своему кукольному близнецу, впадает в агрессивно-буйное состояние, сохраняющееся вплоть до финала. Достоевский подчеркивает кукольность героя и через еще одну деталь. Жильцы, желая подшутить над Прохарчиным, подкладывают в его постель соломенную куклу выдуманной им золовки, и тем самым словно ставят героя на один уровень с кукольным персонажем.

В «Двойнике» обман раскрывается и с помощью метафоры маскарада, через которую Голядкин осмысляет петербургское общество. Царящие в нем нравы, точнее безнравственность, предполагают лицемерие. Каждый герой, по мнению Голядкина, носит маску, за которой закреплено соответствующие социальному статусу человека выражение лица и взгляд. У мелких

чиновников взгляд и выражение лица содержат лицемерие и подлобострастие. У чиновников рангом повыше взгляд является атрибутом власти и наделяется магической силой. Кульминацией происходящего маскарада становится сцена обеда у Олсуфия Ивановича, где каждый играет закрепленную за его маской роль.

Неслучайно мотив маски постоянно сквозит в высказываниях господина Голядкина. Но хотя герой точно определяет суть происходящего, он и сам порой не чуждается лицемерия. С самого начала Голядкин действует, «тотчас принимая приличный и степенный вид, как только замечал, что на него кто-нибудь смотрит»¹⁰, и посылает окружающим взгляд, «который имел необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять в прах всех врагов господина Голядкина»¹¹. При этом герой старается идти «особым», честным путем в личной и общественной жизни. Конфликт двух этих установок (на правду и ложь) приводит Голядкина к раздвоению. Общество поощряет хитрейшего и «побеждает» Голядкин-младший. «Побеждает», потому что вторая половина сознания героя прекратила существование, личность его погибла.

Таким образом, обман на уровне мотива, метафоры, нарративной структуры за счет использования сюжетов и характеров народного театра, образа маскарада становится неотъемлемой составляющей поэтики ранних произведений Достоевского. Обман входит в авторскую стратегию и является индикатором кризиса коммуникации как между персонажами конкретного произведения, так и между читателем и писателем, который в условиях строгой цензуры и исчерпанности характерного для его времени литературного метода («натуральная школа»), моделирует принципиально иной тип текста, требующего от читателя усилия для адекватного прочтения. Формируемая Достоевским поэтика обмана призвана не только и не столько обличить лживость петербургского общества, сколько через обнажение этой лжи сформировать новый тип равного мыслящему автору рефлектирующего читателя, критически оценивающего действительность.

⁹ Достоевский и мировая культура. Альманах. — 1997. — № 9. — С. 154 — 164.

¹⁰ Там же. — С. 213.

¹¹ Там же. — С. 217.

**POETICS OF DECEPTION
IN «ST. PETERSBURG TEXT» OF RUSSIAN LITERATURE:
DOSTOEVSKY'S EARLY WORK STUDY**

©2011 G.O.Portnov^o

Samara State University

In the article we describe poetics of deception development as an art model for «St. Petersburg text of Russian literature» based on the example of Dostoevsky's early work «Poor people», «Double» and «Mister Prokharchin».

Key words: St. Petersburg text of Russian literature, deception, motive, metaphor, narrative structure, puppet show, masquerade.

^o *Georgii Olegovich Portnov, Postgraduate, Chair of Russian and Foreign Literature. E-mail: georgii_portnov@mail.ru*